

Зрелость мастера

Вест. Моск. Во. - 1996. - 21 июня
- С. 4

Снежная

королева с горячим сердцем

Антон ЧАРКИН

Несколько лет назад после длительного «небытия» на московской сцене появились новые спектакли Валерия Фокина. Точнее, года два назад режиссер стал еще более заметен, ибо привнес в театр нечто совершенно новое, неожиданное, даже как будто надтеатральное (прежде он 15 лет проработал с Галиной Волчек в «Современнике» и некоторое время в Театре имени М. Ермоловой). «Нумер в гостинице города N» по «Мертвым душам» Гоголя, «Превращение» по новелле Кафки, «Карамазовы и ад» по Достоевскому. За первый Фокин удостоился трех (!) самых престижных наград — «Хрустальной Турандот» (1994 год), «Золотой маски» (1995 год) и Государственной премии (1995 год). Второй принес ему «Хрустальную Турандот-95» и выдвинут на «Золотую маску-96». Премьера третьего состоялась совсем недавно в «Современнике», и уже ясно, что она также не останется незамеченной.

Вскоре режиссер представит публике свою новую работу в театре Олега Табакова. В ближайших планах продолжение сотрудничества с Константином Райкиным (театр «Сатирикон») и Галиной Боголюбовой (театральное агентство «Багис»). Недавно Фокин отметил свое 50-летие.

Театр Валерия Фокина — это, на мой взгляд, тончайший, сложнейший, небывало гармоничный синтез чуть ли не всего лучшего, что создано не только в российском, но и в зарубежном театре — Мейерхольд, Арто, Гротовский... Юбилера справедливо можно именовать энциклопедистом, ибо его сценические познания весьма широки. А как умело он пользуется ими! Кажется, будто Фокин, не фиксируясь в каком-то хрестоматийном направлении творчества, проникает в каждый уголок театральной Вселенной. Он знает, как удержать этот космос в равновесии. Ему ведомы все законы театрального мироздания. Разум режиссера холоден. Его постановки настолько скрупулезно выверены, что невольно вспоминается философия бесчувственного совершенства Снежной королевы.

Но у спектаклей Фокина есть душа и горячее сердце. Они покоряют зрителя всем своим естеством. Приступая к их разбору, чрезвычайно сложно отдать предпочтение чему-то одному — режиссуре, актерской игре, сценографии, музыке, свету. Почти всегда это — неразрывное целое. Поэтому режиссер доставляет жюри театральных премий немало неудобств. Вполне объективно его спектакли можно выдвигать по всем номинациям, а это не совсем этично по отношению к остальным кандидатам. Вот и приходится идти на компромисс — присуждать Фокину награды «за лучший спектакль».

На первый взгляд может показаться, что юбиляр — режиссер деспотичный. Деспотичный в том плане, что им просчитано все от начала до конца, и вряд ли кому бы то ни было позволено нарушать конструкцию спектакля. Так то оно так, да не совсем, ибо диктатура Фокина принимается всеми добровольно. На репетициях актеры получают от него практически все. И тем не менее режиссер работает только с яркими индивидуальностями, будь то Авангард Леонтьев («Нумер...», «Карамазовы и ад», а более десяти лет назад и «Ревизор»), Константин Райкин («Превращение»), Евгений Миронов

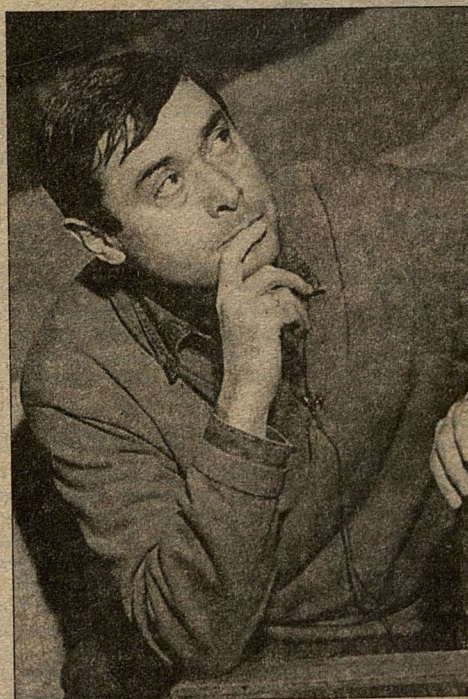
и Игорь Кваша («Карамазовы и ад»). Своей необычной фактурой они привносят в спектакли что-то свое, колоритное. То же с художниками, композитором Александром Бакши, музыкантами.

Фокин избрал не самый легкий путь. Он работает для «посвященного» зрителя, условился с ним так: нужно знать творчество инсценируемого автора. Режиссер нарочно рушит привычную событийность драматургии там, где она присутствует. Лишает и актеров, и публику привычного спасительного в смысловом отношении текста. Спектакли Фокина передают авторские идеи через атмосферу, настроение, ощущения. Из «Мертвых душ» Гоголя ему понадобились лишь три страницы текста, да и те редко замечаемые не только рядовыми читателями, но и педагогами. В результате концентрация авторской мысли оказалась настолько высока, что в ней откристаллизовался весь Гоголь. Мно-

гословный Достоевский заставил и режиссера быть непривычно многословным. И все равно масштабы текстов остались несопоставимыми. А Фокин еще нарочно лишил «Карамазовых» детективного строя повествования, перепутал все донельзя. И все же уловил настрой автора, передал мифологизм, атмосферу романа.

Режиссер заглядывает в действительность изнутри, создает как бы нереальную реальность. «Театральный язык, которым мы говорим, рождается на стыке двух полярных принципов — театра психологического реализма с его предельной достоверностью, конкретностью и так называемого инструментального театра, театра живого звука с его абстрактностью и условностью. При этом, ощущая исчерпанность слова, мы отказались от привычной драматургии, пьесы. Я не пишу литературных сценариев, инсценировок, а выразительными средствами театра ищу эквивалент образному строю, поэтике избранного автора. Все вместе мы создаем некое самостоятельное театральное произведение — партитуру звука, света, жеста, пространства, где слово — лишь один из компонентов драматургического целого», — рассказывает юбиляр.

Для народного артиста России Авангарда Леонтьева Фокин чуть ли не величина № 1 в режиссуре: «Мне всегда было интересно с ним. Это сохранилось и по сей день. Он очень талантлив и очень трудолюбив. Много работает с актерами этюдным способом. Это довольно трудно и безумно интересно. Еще много лет назад, когда мы с Костей Райкиным работали над Достоевским (спектакль «И пойду, и пойду», театр «Современник» — А.Ч.), делали массу этюдов из своей жизни. Фокин предлагал оттолкнуться от собственного опыта, вспомнить разные тяжелые жизненные ситуации и прожить их вновь. Мы так увлеклись, что забывали обо всем. Возникла новая реальность. Придя в «Современник» впервые, Фокин как молодой режиссер, выпускник вахтанговского училища, сразу увлекся пластической формой роли и всего спектакля. Этим он отличался ото всех, но по молодости еще не умел подробно работать с актером, наладить внутреннюю жизнь. Он с удовольствием учился и у актеров, и у режиссеров. Сейчас, мне кажется, он абсолютно владеет всей технологией работы с артистом, на глубоком уровне. Подобно скульптору он отсекает все лишнее. В сделанной им роли не может быть случайного жеста, там нет «воды». Все выжато, остается только суть. Фокин умеет работать, его очень уважают на Западе. Работа там, он копил мастерство и блистательно демонстрирует его в России. Для него актер должен быть личностью. Ему интересен человек, легко делящийся своим опытом. Мне кажется, что я ничего своему Фокину не привнес. Он мне устраивает своеобразные диктанты. Мне увлекательно выполнять его задачи».

Юбилер Валерий ФОКИН. Вариация на тему роденовского «Мыслителя».

Фото М. ГУТЕРМАНА